

Формирование института наднационального коммерческого арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов в рамках Евразийского экономического союза

Аннотация. Исследование посвящено анализу ряда проблем, следующих из негосударственного характера института международного коммерческого арбитража в государствах — членах Евразийского экономического союза. Автор полагает, что доктринальному переосмыслению существа института международного коммерческого арбитража способствует одно из стратегических направлений развития ЕАЭС до 2025 г., а именно проработка инициативы о создании в рамках ЕАЭС международного арбитража для рассмотрения экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов. Автор приходит к выводу, что в условиях углубления евразийской интеграции понятие «международный» в контексте коммерческого арбитража постепенно приобретает новое значение — «наднациональный». Надгосударственное значение международного коммерческого арбитража упростит механизм признания и приведения в исполнение арбитражных решений судами национальной юрисдикции государств — членов ЕАЭС, поскольку надгосударственное значение принимаемых арбитражных решений обеспечит совершенно иную систему гарантий исполнения решений арбитража как надгосударственного органа ЕАЭС в силу непосредственного и прямого действия арбитражных решений на всей территории государств — членов ЕАЭС.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; Евразийский экономический союз; урегулирование экономических споров; концепция наднационального арбитража; углубление евразийской интеграции; интернационализация коммерческого арбитража; делокализация коммерческого арбитража; арбитрабельность споров; трансграничные коммерческие споры; проблемы арбитража.

Для цитирования: Бронякина Е. О. Формирование института наднационального коммерческого арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов в рамках Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 142–151. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.142-151.

© Бронякина Е. О., 2024

* Бронякина Елизавета Олеговна, аспирант Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
eobronyakina@hse.ru

Formation of an Institution of Supranational Commercial Arbitration for the Consideration of Disputes based on Applications from Economic Entities within the Framework of the Eurasian Economic Union

Elizaveta O. Bronyakina, Postgraduate Student, Doctoral School of Law, HSE University, Moscow, Russian Federation
eobronyakina@hse.ru

Abstract. The study is devoted to an analysis of a number of problems arising from the non-governmental nature of the institution of international commercial arbitration in the member states of the Eurasian Economic Union. The author believes that one of the strategic directions of EAEU development until 2025, namely the development of an initiative to create within the EAEU an international arbitration for the consideration of economic disputes based on applications from business entities, contributes to the doctrinal rethinking of the essence of the institution of international commercial arbitration. The author concludes that in the context of deepening Eurasian integration, the concept of «international» in the context of commercial arbitration is gradually acquiring a new meaning — «supranational». The supranational significance of international commercial arbitration, as the author notes, will simplify the mechanism for the recognition and enforcement of arbitration decisions by courts of national jurisdiction of the EAEU member states. This is due to the fact that the supranational significance of the arbitration decisions adopted by commercial arbitration will ensure a completely different system of guarantees for the enforcement of arbitration decisions as a supranational body of the EAEU due to the direct and immediate effect of arbitration decisions throughout the territory of the EAEU member states.

Keywords: international commercial arbitration; Eurasian Economic Union; settlement of economic disputes; concept of supranational arbitration; deepening of Eurasian integration; internationalization of commercial arbitration; delocalization of commercial arbitration; arbitrability of disputes; cross-border commercial disputes; arbitration problems.

Cite as: Bronyakina EO. Formation of an Institution of Supranational Commercial Arbitration for the Consideration of Disputes based on Applications from Economic Entities within the Framework of the Eurasian Economic Union. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):142-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.142-151

Введение

Вступление в силу правительственного перечня¹ предопределило появление нового термина «недружественная юрисдикция» и, как следствие, определенных препятствий в процедуре признания и приведения в исполнение решений международных коммерческих арбитражей, находящихся на территориях недружественных юрисдикций. Таким образом, отечественные хозяйствующие субъекты выбирают для урегулирования споров арбитражные институты,

относящиеся к дружественным юрисдикциям, в частности государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Современное развитие арбитражных институтов для рассмотрения частноправовых экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов на евразийском пространстве обусловлено функционированием единого рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС под влиянием экономической интеграции. Так, формируется единый рынок услуг по арбитражу и примирению в рамках ЕАЭС на основании п. 6 Решения

¹ См.: распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

Высшего Евразийского экономического совета от 09.12.2022 № 21².

1. Институциональный арбитраж и арбитраж ad hoc в государствах — членах ЕАЭС

В настоящее время на евразийском пространстве институт международного коммерческого арбитража весьма неоднороден. Существуют два вида международного коммерческого арбитража:

1) институциональный арбитраж, в котором арбитражное производство осуществляется под эгидой постоянно действующего арбитражного учреждения (далее — ПДАУ), по правилам, им разработанным (регламент арбитража³). Во всех государствах — членах ЕАЭС в соответствии с национальным законодательством образованы и действуют при торгово-промышленных палатах государств — членов ЕАЭС международные коммерческие арбитражные суды: в Республике Армения — Арбитражное учреждение при Торгово-промышленной палате Республики Армения, в Республике Беларусь — Международный арбитражный суд при Белорусской торгово-промышленной палате, в Республике Казахстан — Арбитражный центр Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен», в Кыргызской Республике — Международный третейский суд при Торгово-

промышленной палате Кыргызской Республики, в Российской Федерации — Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ;

2) арбитраж ad hoc⁴, создаваемый для урегулирования конкретного экономического спора хозяйствующих субъектов, в котором арбитражное производство ведется по регламенту или меморандуму⁵, разработанному самими сторонами арбитражного соглашения, либо по типовому арбитражному регламенту, например по Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ. Как отмечает Б. Р. Карабельников, применение сторонами арбитражного соглашения Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ «позволяет сочетать предсказуемость решения процедурных проблем, характерную для институциональных арбитражей, с организационной самостоятельностью и гибкостью арбитражей ad hoc»⁶.

Национальное законодательство большинства государств — членов ЕАЭС о международном коммерческом арбитраже было принято на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (далее — Типовой закон). Только в Республике Казахстан и Кыргызской Республике приняты и действуют национальные нормативные правовые акты о коммерческом арбитраже, не основанные на Типовом законе. Законодательство государств — членов ЕАЭС о международном коммерческом

² См.: решение Высшего Евразийского экономического совета № 21 «О перечне приоритетных направлений для либерализации услуг в целях определения секторов (подсекторов) услуг, по которым будет продолжена работа по формированию единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода)». Принято в г. Бишкеке 9 декабря 2022 г.

³ Правила ПДАУ рассматриваются в качестве неотъемлемой части арбитражного соглашения (п. 13 ст. 7 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (Российская газета. № 156. 14.08.1993)).

⁴ См., например: *Лебедев С. Н.* Избранные труды по международному коммерческому праву, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. М., 2009. С. 241–294.

⁵ См., например: *Либшер К.* Меморандум: как правильно договариваться о рассмотрении спора в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2002. № 3/4. С. 201.

⁶ *Карабельников Б. Р.* Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений : науч.-практ. комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. М., 2001. С. 22.

арбитраже включает следующие нормативные правовые акты:

1) Закон Республики Армения от 22.01.2007 № 3Р-55 «О коммерческом арбитраже»⁷;

2) Закон Республики Беларусь от 09.07.1999 № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде»⁸;

3) Закон Республики Казахстан от 08.04.2016 № 488-V ЗРК «Об арбитраже»⁹;

4) Закон Кыргызской Республики от 30.07.2002 № 135 «О третейских судах в Кыргызской Республике»¹⁰;

5) Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже».

При этом в ряде государств — членов ЕАЭС, а именно в Республике Армения, Республике Казахстан и Кыргызской Республике, ни в наименовании законов о коммерческом арбитраже, ни в их содержании *даже не упоминается* понятия «международный», и в этом смысле создание надгосударственного международного коммерческого арбитража государств — членов ЕАЭС будет способствовать унификации правового регулирования института коммерческого арбитража и равноправию хозяйствующих субъектов, ведущих деятельность на территории государств — членов ЕАЭС, при урегулировании частноправовых экономических споров.

2. Значение и пределы понятия «международный» в контексте коммерческого арбитража

Термин «международный» в контексте коммерческого арбитража означает наличие «иностранного элемента» и, как следствие, выход за пределы юрисдикции одного государства. Законодательство о международном коммерческом арбитраже устанавливает следующие критерии определения компетенции ПДАУ по рассмотрению экономических споров хозяйствующих субъектов, соответствующие классическим коллизионным формулам прикрепления

при наличии в правоотношении иностранного элемента:

1) место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, находится за границей (*lex loci solutionis*);

2) место, с которым наиболее тесно связан предмет внешнеэкономической сделки, находится за границей (*lex connectionis fermitatis*);

3) коммерческие предприятия хозяйствующих субъектов находятся в разных государствах (*lex societatis*).

Кроме того, в российском законодательстве о международном коммерческом арбитраже предусмотрено также рассмотрение инвестиционных споров, возникших в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей.

Думается, что сама формулировка «международный коммерческий арбитраж» является весьма условной по ряду причин:

1) отсутствует международное значение принимаемых арбитражных решений и их непосредственное действие на территориях государств хозяйствующих субъектов, поскольку решения «международного» коммерческого арбитража должны быть легализованы национальными государственными судами для целей признания и приведения в исполнение;

2) решения негосударственного международного коммерческого арбитража возможно оспорить в государственном арбитражном суде, что в Российской Федерации предусмотрено статьей 34 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», следовательно, при наличии привязки оспаривания решений арбитража к государственному правосудию ни о каком международном значении решений негосударственного коммерческого арбитража речи идти не может;

3) правила и регламент компетентного ПДАУ урегулированы национальным материальным

⁷ Принят Национальным собранием Республики Армения 25 декабря 2006 г.

⁸ Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.

⁹ Казахстанская правда. 09.04.2016. № 67 (28193).

¹⁰ Принят Законодательным собранием 28 июня 2002 г.

правом по месту нахождения ПДАУ (*lex loci arbitri*), следовательно, иностранный хозяйствующий субъект при рассмотрении спора в ПДАУ не участвует в определении правил рассмотрения спора.

3. Тенденции делокализации и интернационализации международного коммерческого арбитража

Экономические и правовые предпосылки возникновения международного коммерческого арбитража, а именно формирование первых региональных рынков¹¹ и последующее развитие региональной экономической интеграции, под которой понимаются сети торговых маршрутов и «торговые сети» (*trade networks*), приводят к мысли о формировании *нового значения термина «международный» в контексте коммерческого арбитража — «наднациональный»*.

Основной предпосылкой формирования наднационального коммерческого арбитража ЕАЭС является формирование единого рынка услуг по арбитражу и примирению в рамках ЕАЭС на основании п. 6 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 09.12.2022 № 21, при котором возможна унификация требований, предъявляемых к арбитрам, на территории государств — членов ЕАЭС. Таким образом, современное развитие коммерческого арбитража для рассмотрения частноправовых экономических споров по заявлениям хозяйствующих субъектов на евразийском пространстве обусловлено функционированием единого рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС под влиянием экономической интеграции, а также увеличением числа зон свободной торговли (далее — ЗСТ) путем заключения двусторонних

соглашений о ЗСТ между ЕАЭС с одной стороны и третьими странами с другой стороны.

Исследователи обращают внимание на то, что одной из основных тенденций международного коммерческого арбитража в XXI в. является его *интернационализация* в связи с ростом взаимной торговли хозяйствующих субъектов в ЗСТ. Так, относительно взаимодействия института международного коммерческого арбитража с развитием ЗСТ (применительно к Шанхайской ЗСТ) Янь Чжэ отмечает: «...Неотъемлемой частью реализации проекта “Один пояс — один путь” является зона свободной торговли. В 2015 г. Государственный совет издал документ под названием “Комплексная программа реформирования и открытия пилотной зоны свободной торговли Китая (Шанхай)”, в котором предложил “дальнейшую стыковку” с международными стандартами положений, касающихся разрешения коммерческих споров с иностранным элементом, оптимизировал арбитражные правила в экспериментальной зоне свободной торговли, высказался в поддержку вступления известных международных учреждений в экспериментальную зону свободной торговли и улучшил уровень интернационализации МКА Китая»¹². Таким образом, исследователи отмечают тенденцию влияния ЗСТ на интернационализацию международного коммерческого арбитража.

В связи с ростом взаимной торговли хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС в ЗСТ¹³ целесообразно функционирование интернационального коммерческого арбитража, благоприятного для хозяйствующих субъектов из ЗСТ.

Постепенно складывается новое понимание международного коммерческого арбитража, в частности в рамках юрисдикции ЕАЭС. Возника-

¹¹ Vanneste T. Global trade and commercial networks. London, 2011. P. 28–29.

¹² Янь Чжэ. Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 250.

¹³ См., например: Андрей Слепнев: Сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ЕАЭС поможет восстановить экономики от последствий пандемии и сдержит тенденции к деглобализации // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrej-slepnev-%C2%ABsopryazhenie-kitajskoj-initsiativy-%C2%ABodin-poyas-odin-put%C2%BB-i-eaes-pomozhet-vosstanovit-ekonomiki-ot-posledstvij-pandemii-i-sderzhit-tendentsii-k-deglobalizatsii%C2%BB/> (дата обращения: 02.02.2024).

ет вопрос, возможно ли понятие «международный» в контексте коммерческого арбитража толковать как «наднациональный».

Рассмотрим особенности формирующегося нового института наднационального арбитража (на примере юрисдикции ЕАЭС). Пунктом 9.1.11 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12¹⁴ предусмотрена проработка инициативы о создании в рамках Союза международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов.

Из формулировки «в рамках Союза» следует наднациональный характер коммерческого арбитража, поскольку его юрисдикцией является юрисдикция ЕАЭС, а не конкретного государства — члена ЕАЭС, как в случае с действующими ПДАУ. Разработка регламента наднационального коммерческого арбитража ЕАЭС возможна на основе Типового закона, что поспособствует унификации регламентов ПДАУ государств — членов ЕАЭС, поскольку в Республике Казахстан и Кыргызской Республике национальные нормативные правовые акты о коммерческом арбитраже не были основаны на Типовом законе и вследствие этого правовое положение хозяйствующих субъектов существенно различается. Основанием для функционирования международного коммерческого арбитража ЕАЭС может стать международный договор в рамках ЕАЭС, регулирующий правовое положение наднационального коммерческого арбитража (так же как, например, Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» регламентирует деятельность национальных ПДАУ на территории Российской Федерации).

Таким образом, коллизия привязка *lex loci arbitri* применительно к наднациональному коммерческому арбитражу ЕАЭС означает юрисдикцию ЕАЭС. Следовательно, международный (в значении «наднациональный») коммерческий арбитраж имеет делокализованный характер и отсутствие аффилированности с

государственной юрисдикцией. Думается, что существующая связь института международного коммерческого арбитража с государственной юрисдикцией нивелирует международное значение коммерческого арбитража.

Рассмотрим положительные черты существующих тенденций делокализации и интернационализации международного коммерческого арбитража:

1) обеспечение независимости арбитров, что послужит основанием для привлечения хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС;

2) обеспечение беспристрастности разрешения процедурных вопросов, в частности обеспечительные меры в отношении иска в международном коммерческом арбитраже (которые в настоящее время применяют национальные суды государств — членов ЕАЭС) и возможность самостоятельного применения обеспечительных мер наднациональным арбитражем;

3) нивелирование процедуры признания и приведения в исполнение решений международных коммерческих арбитражей национальными государственными судами государств — членов ЕАЭС;

4) нивелирование возможности оспаривания и отмены арбитражных решений национальными государственными судами государств — членов ЕАЭС.

Думается, что в качестве гарантии защиты прав хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС необходимо предусмотреть в международном договоре в рамках ЕАЭС о наднациональном арбитраже порядок и срок оспаривания арбитражных решений. При этом с учетом наднационального характера принимаемых арбитражных решений в качестве органа для оспаривания арбитражного решения представляется оптимальной юрисдикция действующего Суда ЕАЭС.

Разумеется, может возникнуть вопрос о соотношении государственного суверени-

¹⁴ Пункт 9.1.11 «Проработка инициативы о создании в рамках Союза международного арбитража для рассмотрения споров по заявлениям хозяйствующих субъектов» решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

тета государств — членов ЕАЭС и функционирования наднационального коммерческого арбитража. Стоит отметить, что вступление в интеграционные объединения, в том числе в ЕАЭС, означает изначальную передачу части национального суверенитета в пользу интеграционного объединения. Как отметил С. С. Сафаев в контексте возможности вступления Республики Узбекистан в ЕАЭС, «любое вступление в интеграционное объединение предполагает ограничение собственного суверенитета. Это аксиома. Делегируешь часть своих полномочий наднациональным органам...»¹⁵.

Таким образом, функционирование международного (наднационального) коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС означает, что при заключении международного договора в рамках ЕАЭС государства — члены ЕАЭС передают компетенцию по рассмотрению частноправовых экономических споров хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС в наднациональную компетенцию. В то же время представляется, что компетенция наднационального коммерческого арбитража не должна затрагивать исключительной компетенции национальных судов государств — членов ЕАЭС по отдельным делам, рассмотрение которых, в соответствии с международными договорами или национальным законодательством государств — членов ЕАЭС, является исключительной компетенцией государственных судов.

4. Преодоление ряда недостатков, свойственных негосударственным международным коммерческим арбитражам, с помощью формирующегося института наднационального коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС

Формирующийся новый институт наднационального коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС способен преодолеть ряд недостатков, свойственных негосударственным международным коммерческим арбитражам:

1) проблему так называемой карманности¹⁶ арбитров в негосударственных арбитражах, следующей, во-первых, из возможности сторон выбрать нужного им арбитра или коллегия арбитров для урегулирования спора; во-вторых, из отсутствия беспристрастности при рассмотрении споров с иностранным элементом вследствие как субъективных, так и объективных причин, например санкций в отношении хозяйствующих субъектов из недружественных юрисдикций;

2) проблему оговорки о публичном порядке, вследствие которой национальные суды государств — членов ЕАЭС могут отказать в признании и приведении в исполнение арбитражных решений¹⁷. При этом оговорка о публичном порядке сформулирована в национальном праве государств — членов ЕАЭС максимально широко и не имеет исчерпывающего перечня оснований. Согласно абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 нарушение публичного порядка означает, что нарушаются «суверенитет или безопасность Российской Федерации, конституционные права и свободы российских граждан и юридических лиц»¹⁸.

Проработка инициативы о создании арбитража (третейского суда) ЕАЭС является вторым этапом реализации решения Совета Евразийской экономической комиссии от 16.05.2013 № 32 «О проекте концепции создания третейского суда в рамках Таможенного союза» и продолжает концепцию наднационального рассмотрения частноправовых экономических споров.

¹⁵ Садык Сафаев — о вступлении в ЕАЭС, ВТО и отношениях с Россией // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/04/integration/> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁶ См.: Гальперин М. Л. Проблема «карманных» третейских судов: возможные пути решения // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 10. С. 53–59.

¹⁷ См.: Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. № 5. С. 225–246.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. № 154. 17.07.2019.

Таким образом, проблемы негосударственного международного коммерческого арбитража для урегулирования коммерческих споров, вытекающих из трансграничных частноправовых отношений, являются комплексными. Решение, которое было достигнуто в середине XX в. в международном частном праве, основывалось на договорной концепции арбитража, вследствие чего международный коммерческий арбитраж понимался как альтернативный способ урегулирования трансграничных частноправовых споров. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (далее — Нью-Йоркская конвенция) продолжает обеспечивать трансграничный оборот товаров и услуг и в настоящее время, однако *не учитывает новых условий трансграничной торговли в связи с возрастанием числа ЗСТ*, что является причиной предложений относительно создания наднационального коммерческого арбитража как международного юрисдикционного органа.

Критика недостатков правового регулирования международного коммерческого арбитража в начале XXI в. была обусловлена существенным влиянием государственного судопроизводства на данный институт. Так, в 2004 г. на страницах журнала «Международный коммерческий арбитраж» была опубликована научная статья А. Л. Маковского и Б. Р. Карабельникова, которые отметили, что «за такими общими отсылками к “судебному порядку” удобно скрывается и исковое производство по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, признаваемым благодаря отсутствию в этих отсылочных нормах каких-либо изъятий арбитрабельными, и попадающие в орбиту судебной процедуры дела по обжалованию действий и решений государственных органов и их должностных лиц»¹⁹.

В качестве слабых сторон института негосударственного международного коммерческого арбитража можно назвать следующие:

1) значение негосударственной арбитражной процедуры нивелируется тем, что наличие арбитражного соглашения не препятствует обращению в государственный арбитражный суд первой инстанции в исковом порядке, поскольку наличие соглашения сторон о рассмотрении спора третейским судом, в том числе международным коммерческим арбитражем, согласно п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, может стать основанием для оставления искового заявления без рассмотрения только в том случае, «если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение». Таким образом, если возражений не поступит (а возражения могут не поступить, если повестка о дате и месте судебного заседания «не нашла» адресата — иностранного хозяйствующего субъекта), то производство по делу продолжается в судебном порядке. Данные проблемы именуются в науке «параллельными разбирательствами»²⁰. Несмотря на многочисленные исследования проблематики негосударственного международного коммерческого арбитража, коренных изменений в правовом регулировании исследуемого института до сих пор не было;

2) отечественные государственные арбитражные суды наделены правом запрета инициирования или продолжения рассмотрения дела в международном коммерческом арбитраже за пределами территории Российской Федерации в случае наличия санкций в отношении российских хозяйствующих субъектов за рубежом. Таким образом, растет значение института антиарбитражного запрета²¹ в связи

¹⁹ Маковский А. Л., Карабельников Б. Р. Арбитрабельность споров: российский подход // Международный коммерческий арбитраж. 2004. № 3. С. 16–40.

²⁰ См., например: Сюрмеев К. Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 3.

²¹ См.: Зотов А. В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 104–133 ; Garnett R. Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. 2020. Vol. 36. Iss. 3. P. 340–352.

с закреплением в отечественном арбитражном процессуальном законодательстве новых норм — ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ — в целях защиты прав и законных интересов отечественных хозяйствующих субъектов, в отношении которых зарубежными партнерами были введены санкции. Следовательно, увеличивается количество неарбитрабельных споров в международных коммерческих арбитражах. Всё большее вмешательство национального правового регулирования в институт негосударственного коммерческого арбитража, которое проявляется в антиарбитражном запрете, позволяет ставить под вопрос целесообразность дальнейшего применения Нью-Йоркской конвенции.

Выводы

1. Современное развитие международного коммерческого арбитража на евразийском пространстве обусловлено развитием региональной экономической интеграции, при которой предпринимательская и иная экономическая деятельность хозяйствующих субъектов осуществляется в рамках общего рынка товаров, работ и услуг государств — членов ЕАЭС.
2. Надгосударственное значение международного коммерческого арбитража упростит механизм признания и приведения в исполне-

ние арбитражных решений судами национальной юрисдикции государств — членов ЕАЭС, поскольку действующая в отношении исполнения решений международных коммерческих арбитражей Нью-Йоркская конвенция не может быть применена при исполнении решений надгосударственных юрисдикционных органов.

3. Надгосударственное значение принимаемых арбитражных решений обеспечит совершенно иную систему гарантий исполнения решений арбитража как надгосударственного органа ЕАЭС в силу непосредственного и прямого действия арбитражных решений на всей территории государств — членов ЕАЭС.

4. Реализация идеи наднационального коммерческого арбитража, направленная на преодоление вышеуказанных проблем, в настоящее время представляется оптимальной, поскольку обусловлена объективной необходимостью вернуть рассмотрение экономических споров хозяйствующих субъектов государств — членов ЕАЭС из зарубежных арбитражей.

5. Компетенция наднационального коммерческого арбитража должна быть максимально широкой: хозяйствующими субъектами, по заявлениям которых рассматриваются дела, должны быть как хозяйствующие субъекты государств — членов ЕАЭС, так и хозяйствующие субъекты из государств — участников двусторонних соглашений о ЗСТ при наличии арбитражной оговорки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гальперин М. Л. Проблема «карманных» третейских судов: возможные пути решения // Арбитражное правосудие в России. — 2007. — № 10. — С. 53–59.
2. Зотов А. В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 3. — С. 104–133.
3. Карабельников Б. Р. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений : науч.-практ. комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. — М., 2001. — 368 с.
4. Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 5. — С. 225–246.
5. Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому праву, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / сост. А. И. Муранов. — М., 2009.
6. Либшер К. Меморандум: как правильно договариваться о рассмотрении спора в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. — 2002. — № 3/4. — С. 200–204.

7. Маковский А. Л., Карабельников Б. Р. Арбитрабельность споров: российский подход // Международный коммерческий арбитраж. — 2004. — № 3. — С. 16–40.
8. Сюрмеев К. Е. Трансграничные коммерческие споры: проблема параллельных разбирательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 201 с.
9. Янь Чжэ. Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. — 2021. — № 3/4. — С. 238–253.
10. Garnett R. Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. — 2020. — Vol. 36. — Iss. 3. — P. 340–352.
11. Vanneste T. Global trade and commercial networks. — London, 2011. — 288 p.

Материал поступил в редакцию 22 февраля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Galperin M. L. Problema «karmannykh» treteyskikh sudov: vozmozhnye puti resheniya // Arbitrazhnoe pravosudie v Rossii. — 2007. — № 10. — S. 53–59.
2. Zotov A. V. Znachenie opredeleniya rossiyskogo gosudarstvennogo suda o zaprete initsirovaniya i prodolzheniya arbitrazha v poryadke st. 248.2 Arbitrazhnogo protsessualnogo kodeksa RF dlya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 3. — S. 104–133.
3. Karabelnikov B. R. Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy: nauch.-prakt. kommentariy k Nyu-Yorkskoy konventsii 1958 g. — M., 2001. — 368 s.
4. Kudryavtseva E. V., Kurochkin S. A. Narushenie publichnogo poryadka kak osnovanie otказа v priznanii i privedenii v ispolnenie arbitrazhnykh resheniy v stranakh EAES // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 5. — S. 225–246.
5. Lebedev S. N. Izbrannye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu pravu, pravu mezhdunarodnoy trgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskому pravu / sost. A. I. Muranov. — M., 2009.
6. Libsher K. Memorandum: kak pravilno dogovarivatsya o rassmotrenii spora v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Treteyskiy sud. — 2002. — № 3/4. — S. 200–204.
7. Makovskiy A. L., Karabelnikov B. R. Arbitrabelnost sporov: rossiyskiy podkhod // Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh. — 2004. — № 3. — S. 16–40.
8. Syurmeev K. E. Transgranichnye kommercheskie spory: problema parallelnykh razbiratelstv: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 201 s.
9. Yan Chzhe. Kratkiy ocherk razvitiya pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha v Kitayskoy Narodnoy Respublike // Treteyskiy sud. — 2021. — № 3/4. — S. 238–253.
10. Garnett R. Anti-Arbitration Injunctions: Walking the Tightrope // Arbitration International. — 2020. — Vol. 36. — Iss. 3. — P. 340–352.
11. Vanneste T. Global trade and commercial networks. — London, 2011. — 288 p.